

борствуетъ имъ, а спрашиваетъ указать, что онъ отвергаетъ Евангельское; пустое бесѣдословіе и тщетное усиліе къ само оправданію нисколько не сниметъ вины съ безпоповца, а только усугубитъ осужденіе. Покаяніе предъ церковію, вотъ дверь къ оправданію! чего отъ души желаемъ Батову.

Поѣздка воспитанницъ Богоеловекой второклассной школы (Каширскаго уѣзда) на богомолье въ Сергіеву Лавру, 6 Мая.

День 6 Мая былъ для насъ торжественнымъ и знаменательнымъ днемъ, въ этотъ день мы стали приводить въ исполненіе великое обѣщаніе—поклониться мощамъ преподобнаго Сергія, данное въ тяжелое время для учащихся—передъ экзаменами. И вотъ, когда солнце склонилось къ западу и своими прощальными лучами освѣщало верхушки предметовъ, мы при пѣніи пасхальныхъ ирмосовъ, въ сопровожденіи добраго нашего батюшки о. Іоанна съ крестомъ въ рукахъ, пошли въ церковь; тамъ отслуженъ былъ молебенъ о путешествующихъ. Изъ церкви также шли мы съ пѣніемъ: „Да воскреснетъ Богъ!“ Проводивъ до сосѣдней деревни, батюшка окропилъ насъ святой водой, пожелалъ намъ благополучнаго путешествія, и мы отправились въ путь. Съ нами воспитанницами ѣхали три учительницы. Подъѣзжая къ Каширѣ, мы еще издали увидали Оку, красиво изгибающуюся голубой широкой лентой между покрытыми пышною зеленью берегами, надъ которыми въ раздумьѣ стояли темные величественные лѣса. Уже стемнѣло, и на небѣ вспыхнули звѣзды, когда мы подъѣхали къ Каширѣ. Тамъ встрѣтилъ и присоединился къ намъ дорогой и добрый нашъ наставникъ отецъ Протоіерей Димитрій Ивановичъ Лебединскій. На Каширскомъ вокзалѣ онъ служилъ молебенъ, мы всѣ пѣли. Было многолѣтіе, а въ концѣ молебна мы запѣли: „Да воскреснетъ Богъ“. На лицахъ всѣхъ свѣтилась духовная радость. Смѣло и безъ сомнѣній мы готовы были отправиться въ путь, потому что онъ, какъ начался, такъ и во все продолженіе будетъ сопровождаться нашими молитвами, и еще потому, что мы находились подъ покровительствомъ опытнаго и добраго о. Протоіерея. Наконецъ мы вошли въ вагонъ, и когда поѣздъ тронулся, мы грянули: „Воскресенія день“. Была теплая майская ночь. Про-

зрачныя голубыя небеса были обрызганы милліонами золотыхъ трепещущихъ звѣздъ. Луна спокойно глядѣла съ вышины и освѣщала насъ своимъ задумчивымъ сіяньемъ. Намъ позволили открыть окно вагона, и мы свободно могли любоваться всѣми красотами майской ночи. Свѣжія струи ночного теплаго вѣтерка изрѣдка врываются къ намъ въ вагонъ и производили сладкое пріятное ощущеніе. Съ первымъ движеніемъ поѣзда со слѣдующей станціи запѣли: Христось анести экъ некронъ ... Остатокъ ночи мы спали, потому что порядочно утомились.

7-го Мая. Привѣтливо встрѣтило насъ майское утро на станціи, уже близкой къ Москвѣ. Здѣсь поѣздъ долженъ былъ стоять долго, поэтому намъ позволили выйти изъ вагона. Солнце величественно выплывало на небо и, разливая свой розоватый свѣтъ, играло разными огоньками на крупныхъ капляхъ росы, упавшей на траву, на листья деревьевъ и на цвѣты. Воздухъ былъ чистъ и ароматенъ. Птички дружно просыпались и перепархивали съ вѣтки на вѣтку тѣнистыхъ цвѣтущихъ садовъ. Соловей гдѣ то въ кустахъ лилъ свою томную обворожительную трель. Хотѣлось слить свою душу съ гармоніей этихъ чудныхъ волшебныхъ звуковъ! Было такъ привольно, хорошо, на душѣ—свѣтло и отрадно! Но вотъ мы опять въ вагонѣ. Онъ тронулся и мы запѣли изъ Богогласника: „Вси Тя хоры“ и „Мати милосердія“.

Пассажиры сосѣднихъ вагоновъ были удивлены: быть можетъ вагонъ первый разъ огласился пѣніемъ, они съ удовольствіемъ слушали насъ и попросили позволеніе у батюшки о. Протоіерея не затворять дверей нашего вагона. И такъ до самой Москвы первое движеніе поѣзда съ каждой станціи сопровождалось нашимъ пѣніемъ. Когда уже стали подъѣзжать къ Москвѣ, изъ окна нашимъ взорамъ представлялись красивыя разнообразныя картины: то села и деревни, живописно раскинутыя на полу-горѣ и утонувшія въ зелени садовъ, то широкія привольныя поля, зеленѣющія, какъ бархатъ, то зеленые луга съ пестрѣющими цвѣтами и наконецъ сады съ одними деревьями цвѣтущихъ вишенъ, покрытыхъ какъ будто бѣлой пеленой. Но вотъ и показались золотыя главы Московскихъ церквей, наконецъ и весь древній чудный городъ былъ виденъ. Восторженно, съ бьющимися сердцами, мы любовались видомъ матушки-Москвы, по краямъ опоясанной лентой пашенъ, и огородовъ, внутри пестрѣющей цвѣтущими садами. На Московской станціи присоединился къ намъ

доброжелатель уважаемый всѣми и путешествующій только съ научными цѣлями, учитель сосѣдней шеолы Тихонъ Алексѣевичъ Мечевъ. Въ Москву рѣшили заѣхать послѣ, а теперь—продолжать свой путь въ Лавру преподобнаго Сергія. Въ вагонѣ опять пѣли и большею частью—тропарь преподобнаго Сергія. Дорога наша сдѣлалась опять живописной: по обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги тянулись огромные темные лѣса съ разнообразными деревьями и передъ нашими глазами мелькали то стройныя высокія сосны, то кудрявыя граціозныя березы, то изрѣдка мелькнетъ одинокій развѣсистый дубъ среди небольшого лужка, украшеннаго незабудками, наконецъ стали мелькать передъ глазами дачи одна за другой и ихъ живые и веселые обитатели и обитательницы, наслаждающіеся жизнью на лонѣ природы. Но вотъ и кончился нашъ длинный путь, и мы очутились въ Лаврѣ. По старанію нашего добраго о. Протоіерея, были сняты очень удобные номера въ гостинницѣ, мы немного отдохнули въ нихъ и отправились въ Успенскій соборъ. Здѣсь прежде всего намъ бросились въ глаза цѣлыя толпы усердныхъ Богомольцевъ, прошедшихъ быть можетъ сотни верстъ; нѣкоторые изъ нихъ еле передвигали ноги; на ихъ блѣдныхъ измученныхъ лицахъ, вмѣстѣ съ страданіемъ выражался духовный восторгъ, а ихъ запекшіяся отъ солнечнаго зноя уста шептали молитвы. Все это невольно трогало и умиляло душу и сердце. Въ этомъ соборѣ мы пропѣли тропарь Божіей Матери и приложились къ образу Успенія Пресвятой Богородицы. Наконецъ мы вошли въ Троицкій Соборъ, гдѣ находятся мощи преподобнаго Сергія, и слышали чудное умиленное пѣніе иноковъ: „Преподобне отче Сергіе, моли Бога о насъ!“ Что то чистое святое отозвалось въ душѣ. Какъ хороши эти слова! Хотѣлось забыть все земное! У гробницы преподобнаго Сергія отслужили молебень, причемъ пѣли сами и стали прикладываться къ мощамъ преподобнаго Сергія. При мысли, что мы грѣшны и недостойны предъ этимъ великимъ угодникомъ Божиимъ, какой то невѣдомый, благоговѣйный страхъ и трепеть проникъ въ мою душу и думаю, что всѣ были въ такомъ же настроеніи. Въ этотъ день мы были у всеобщаго бдѣнія и сами пѣли и читали, а во время службы исповѣдывались. Добрый архимандритъ отецъ Никонъ предложилъ намъ раздѣлить трапезу въ монастырѣ. Высокія мрачныя стѣны трапезной, священныя изображенія на стѣнахъ, угрюмые иноки, отречьшіеся отъ міра, напоминали только о Богѣ и о

другой жизни. И такъ мы провели почти цѣлый день въ Лаврѣ. Въ гостинницѣ дѣлились своими впечатлѣніями между собой, оказалось, что эта святая обитель на всѣхъ подѣйствовала благотворно.

8-го Мая. Рано утромъ раздался заунывный зовъ колокола къ ранней обѣднѣ. Мы опять пѣли. Этотъ день для насъ былъ великимъ праздникомъ: во первыхъ совершалась память апостола любви Іоанна Богослова, покровителя и защитника нашей дорогой Богословской школы, потомъ причащались въ этотъ день, и гдѣ же?— у преподобнаго Сергія, куда мы давно стремились своими молитвами. Никогда въ нашей памяти не умреть рѣчь, сказанная о. Никомомъ о жизни святаго апостола Іоанна Богослова. Особенно врѣзались въ памяти слова о. Никона: „Никогда такъ много не говорили о любви христіанской, и никогда не было ея такъ мало, какъ теперь!“ Да, дѣйствительно это такъ. Его горячія слова дышали „простотой“ сердечной, они выливались изъ глубины души, онъ даже плакалъ. Чудно хорошо говорилъ онъ! Послѣ обѣдни опять были въ трапезной, а потомъ насъ водили по всѣмъ достопримѣчательнымъ мѣстамъ монастыря. Историческія событія ясно встали передъ нашими глазами при видѣ древнихъ различныхъ вещей въ ризницѣ, гдѣ такъ хорошо объясняли намъ, что не хотѣлось уходить.

Были въ домѣ о. Никона. Онъ насъ поздравлялъ съ великимъ для насъ праздникомъ и много говорилъ о жизни преподобнаго Сергія и о томъ, что онъ и по преставленіи своемъ на небо непрестанно молится о Русской землѣ, привелъ намъ въ примѣръ его чудеса, совершенныя еще такъ недавно. Раздалъ намъ иконки преподобнаго Сергія и книжечки о жизни его. Часа въ 2 мы отправились въ монастырь Черниговской Божіей Матери. Когда мы вошли въ пещеру, гдѣ находится чудотворная икона Божіей Матери, опять насъ охватила какой то страхъ и благоговѣніе. Здѣсь мы опять пѣли молебенъ и въ то время, какъ запѣли мы трогательныя слова: „Призри благосердіемъ, Всепѣтая Богородице, на мое люта тѣлесе озлобленіе и исцѣли души моя болѣзни“, казалось, ея божественный глубокій взглядъ вливалъ чистой струей въ нашу душу надежду на прощеніе грѣховъ. Въ защитномъ здѣсь уединеніи хотѣлось навсегда остаться, чтобъ предъ Царицей Небесной и нашей заступницей излить свою душу, омраченную грѣхами и потемнѣвшую страстями ко всему земному! Послѣ молебна зашли къ прозорливому старцу отцу

Варнавѣ. Къ нему въ келію вошли съ пѣніемъ пасхальныхъ ирмосовъ, во время которыхъ онъ усердно и горячо молился, а потомъ ласково, съ любовью благословилъ насъ и далъ всѣмъ святое евангеліе и иконки Владимірской Божіей Матери. Мы запѣли ему въ благодарность: „Спаси, спаси Христе Боже!“ Отъ него мы отправились въ Виѳанію. Погода была до сихъ поръ ясная; но вотъ на небѣ показались тучки и черезъ нѣсколько минутъ полилъ сильный дождь. Мы продолжали свой путь. Дорога туда шла лѣсомъ. Съ гибкихъ вѣтвей березъ сыпались крупныя капли дождя, но это нисколько не беспокоило насъ, скорѣе доставляло удовольствіе. Въ Виѳаніи, какъ и во всѣхъ монастыряхъ, было тихо и уединенно, кромѣ насъ не было почему-то никого изъ богомольцевъ. Здѣсь мы были очень мало времени, только осмотрѣли искусственную гору Фаворъ, приложились ко гробу преподобнаго Сергія. Одинъ изъ іеромонаховъ показалъ всѣ достопримѣчательности этого монастыря, и мы успѣли вернуться въ Сергіеву Лавру ко всеобщей. Нашъ батюшка о. протоіерей остался слушать всеобщее бдѣніе въ Виѳаніи. Дождь скоро пересталъ, и солнышко по прежнему заиграло на безоблачномъ свѣтло-голубомъ небѣ. Все зазеленѣло и весело засверкало кругомъ. Желаніе наше исполнилось: мы успѣли прійти къ началу всеобщаго бдѣнія въ церковь преподобнаго Сергія, но народу была такая масса и такъ было душно, что мы принуждены были уйти раньше отъ службы. Скоро пріѣхалъ отецъ Протоіерей, замѣнившій намъ во время путешествія родного, любвеобильнаго отца. Мы, ему и добрымъ нашимъ наставницамъ съ восторгомъ рассказывали о своихъ впечатлѣніяхъ, полученныхъ въ этотъ великій для насъ праздникъ и въ душѣ сердечно благодарили незабвеннаго нашего попечителя Владиміра Карловича и добраго о. Протоіерея за всѣ эти пріятныя и полезныя удовольствія. Припоминая подробно всѣ свои походы, совершенныя въ этотъ день, въ какой-то пріятной сладкой истомѣ мы предались отдыху и сну.

9-го Мая. Жаль было оставить свитое убѣжище, которое произвело на насъ пріятное неизгладимое впечатлѣніе, но настала пора оставить его, и мы послѣ ранней обѣдни приложившись послѣдній разъ къ мощамъ преподобнаго Сергія отправились по желѣзной дорогѣ въ Москву. Дорогой опять пѣли. Въ головѣ роились мысли о всемъ пережитомъ въ Лаврѣ. Но вотъ мы въ Москвѣ. Шумная столичная жизнь, оглушившая насъ, произвела впечатлѣніе, противоположное тому, которое

произвела на насъ Сергіева Лавра. Мы остановились въ Страстномъ женскомъ монастырѣ и, благодаря заботамъ о насъ Его Превосходительства Владиміра Карловича Саблера, насъ приняли очень радушно, и мы могли расположиться тамъ какъ дома. Отдохнувъ немного, мы пошли къ вечернѣ. Тихое стройное пѣніе смиренныхъ инокинъ подѣйствовало хорошо на наши сердца. Простоявъ немного здѣсь, мы отправились въ Кремль и весь остатокъ дня мы провели тамъ, осматривая все замѣчательное въ Кремлѣ. Въ Чудовомъ монастырѣ пѣли молебенъ святителю Алексію и, приложившись къ мощамъ его, возвратились въ монастырь.

10-го Мая. Съ самага утра мы отправились въ Кремль. Прежде всего были въ Успенскомъ Соборѣ, и приложившись къ мощамъ трехъ святителей Петра, Іоны и Филиппа, служили имъ молебенъ и пѣли опять сами. Потомъ были въ Архангельскомъ Соборѣ. Намъ показывали гробницы всѣхъ русскихъ царей. По обыкновенію служили молебенъ царевичу Димитрію, имя котораго носилъ нашъ добрый и дорогой протоіерей о. Димитрій. Это въ особенности было пріятно. Зашли и въ остальные замѣчательные соборы и храмы. Въ храмѣ Христа Спасителя очень поправилась живопись замѣчательныхъ художниковъ. Сильное, хорошее впечатлѣніе произвело на насъ все это! Наконецъ по желанію незабвеннаго Владиміра Карловича, желающаго всякаго блага намъ, батюшка отецъ Димитрій повелъ насъ въ Царскій дворець. Роскошь убранства требовали отъ насъ особеннаго вниманія, а когда объясняли историческія событія, совершенныя во дворцѣ, мы превратились всѣ въ слухъ, чувствуя, что пребываніе въ Москвѣ приноситъ намъ вмѣстѣ съ пріятнымъ и полезное въ научномъ отношеніи. Часамъ къ тремъ мы должны попасть къ поѣзду, поэтому поспѣшили вернуться въ монастырь и чрезъ часъ уже прощались съ привѣтливыми обитательницами Страстнаго монастыря. Простившись въ мысляхъ со всей Москвой, мы оставили ее. Опять замелькали предъ нашими глазами уже знакомыя картины, опять свистки, станціи, но насъ уже почти ничто не интересовало: мы думали объ отдыхѣ отъ всѣхъ душевныхъ тревогъ и волненій, пережитыхъ во время нашего путешествія, и отчасти отъ экзаменовъ, отъ которыхъ еще не успѣли отдохнуть.

И вотъ мы опять въ Богословскомъ, которое на слѣдующій день оставили и уѣхали на лѣтніе каникулы по домамъ своихъ родителей, но мы всегда останемся благодарными дорогому и

незабвенному нашему попечителю Владиміру Карловичу и доброму нашему наставнику отцу протоіерею Димитрію Ивановичу Лебединскому за всѣ тѣ пріятныя и полезныя удовольствія, которыя они доставили намъ, и которыхъ никогда не забудемъ.

Александра Щеглова *).

Десять прокаженныхъ.

Не десять ли очистишася, да девять гдѣ?

(Слова Спасителя).

Лучъ Палестины зноемъ страшнымъ
Песокъ подножный раскалилъ
И воздухъ пламенемъ ужаснымъ.
Геенна, рысь и крокодилъ

Искали тѣнь. Бѣжали въ воду.
Закрылись ставни у оконъ,
Замерла жизнь и нѣтъ народу
Наружи. Будто смертный сонъ

Объялъ всѣхъ жителей Востока.
Христось Спаситель въ весь входилъ
Съ толпой народа. Издалека
Онъ слышитъ кто то возопилъ...

То крикъ скитавшихся въ пустынь
Людей, болѣзною зараженныхъ,
Просящихъ Божьей милостыни.
То были десять прокаженныхъ.

Страшна восточная проказа,
Отъ ней и исцѣленья нѣтъ.
Она для воздуха зараза,
Она ужаснѣе всѣхъ бѣдъ.

Какъ страшень видъ такихъ несчастныхъ,
Ихъ черепъ голый, какъ скала.

*) Одна изъ лучшихъ ученицъ, только-что окончившая курсъ Богословской женской школы и уже выдержавшая экзамень для поступленія во вновь открываемую церковно-учительскую школу.